

ДЕЕПРИЧАСТИЕ КАК ГИБРИДНАЯ ФОРМА: МОРФОЛОГИЯ ИЛИ СИНТАКСИС

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Набиева Рухшона Муминовна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме грамматической природы деепричастия в русском языке — формы, демонстрирующей глубокий синкретизм глагольных и наречных свойств. В центре внимания находится вопрос о том, следует ли квалифицировать деепричастие как самостоятельную часть речи или как специфическую, «гибридную» форму глагола. В работе анализируются теоретические подходы, восходящие к трудам М.В. Ломоносова и получившие развитие в концепциях представителей формальной и функциональной лингвистики. С опорой на шкалу переходности, разработанную в трудах В.В. Бабайцевой, рассматриваются периферийные случаи функционирования деепричастий — их десемантизация и переход в разряд модальных слов и предлогов. Особое внимание уделяется синтаксическому аспекту: условиям таксисной связи и ограничениям на субъект действия. Привлечение генеративной теории (исследования Л. Бабби) позволяет взглянуть на деепричастие как на результат определенной иерархической проекции, где глагольная основа «инкапсулируется» под неизменяемую оболочечную категорию. Делается вывод о том, что деепричастие является проявлением фундаментального лингвистического принципа экономии, позволяющего «свернуть» координированную конструкцию в подчиненный предикат. Статья адресована лингвистам, аспирантам и преподавателям русского языка.

Ключевые Слова: деепричастие, лингвистический синкретизм, переходность, таксис.

Анализ языкового материала неизбежно сталкивает исследователя с явлениями, не укладывающимися в прокрустово ложе строгих бинарных классификаций. Одним из самых ярких и дискуссионных объектов русской грамматики является деепричастие — форма, чья этимология и функционирование бросают вызов традиционному различению частей речи. В обыденном лингвистическом сознании, воспитанном школьной

традицией, деепричастие нередко воспринимается как нечто среднее, «гибрид», как выразился один из методистов, ссылаясь на диковинные плоды в саду старого языковеда. Однако за этой метафорой кроется фундаментальная теоретическая проблема, сформулированная ещё в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, который настаивал на обязательной согласованности деепричастия с личным глаголом по субъекту действия. Действительно, сама внутренняя форма термина (от глаголов «деять» и «причастие») указывает на причастность действия к основному сказуемому. Но так ли однозначно устройство этого «гибрида», и где проходит граница, отделяющая его от системы глагольного словоизменения и от функциональных омонимов?

Прежде чем погрузиться в дебри синтаксических теорий, необходимо констатировать дуализм, заложенный в самой природе этой единицы. С одной стороны, деепричастие сохраняет родовые признаки глагола: оно управляет падежами (проявляя переходность или непереходность), имеет грамматическую категорию вида (противопоставление процессов, длящихся или повторяющихся в момент основного действия, и завершённых, предшествующих ему состояний), а также способность сочетаться с возвратной частицей, указывающей на направленность действия на себя. Например, в гипотетической ситуации, где субъект, двигаясь по маршруту, одновременно производит некое целевое действие, деепричастие способно присоединять к себе прямое дополнение, тем самым полностью наследуя валентностную структуру производящего глагола. С другой стороны, классическая лингвистика, начиная с работ А.А. Потебни и А.М. Пешковского, акцентирует адвербиальную природу этой формы. Деепричастие, в отличие от личных форм и инфинитива, не способно к предикации в чистом виде; оно не изменяется по лицам, числам и родам, то есть демонстрирует абсолютную неизменяемость — черту, принципиально чуждую глаголу, но роднящую его с наречием. Его синтаксическая роль строго детерминирована: это обстоятельство, характеризующее способ протекания действия (как? каким образом?), его временную локализацию (когда?) или причинно-следственные условия (почему?).

Таким образом, перед исследователем предстаёт синкретичная структура, где в одной лексеме сосуществуют разнонаправленные категориальные признаки. В науке сложились два основных лагеря. Первый (представленный, в частности, «Русской грамматикой-80» и академическими школами) трактует деепричастие как атрибутивную (неизменяемую) форму глагола, наречие выступает лишь как его вторичная функция, своего рода синтаксическая тень. Второй подход,

более распространённый в школьной и вузовской преподавании, настаивает на выделении деепричастия в самостоятельную часть речи, используя аргумент о полной утрате способности изменяться и специфической дистрибуции. Однако, как справедливо замечают авторы исследований по грамматике переходности, акцент на чистых, «ядерных» случаях оставляет за бортом огромный массив живого языкового материала, где свойства «глагольности» и «адвербиальности» смешаны в разных пропорциях.

Чтобы выйти из тупика дихотомии «часть речи vs форма слова», наиболее продуктивным представляется использование теории переходности (транспозиции). Согласно этой теории, части речи не являются изолированными футлярами; пространство языка представляет собой континуум, где единица может перемещаться из центра одной категории на периферию другой, проходя через стадию гибрида. Деепричастие занимает уникальное положение на этой шкале. Оно гораздо ближе к глаголу по своей семантике (обозначает процесс) и по управленческим свойствам, но почти полностью переместилось в зону неизменяемых слов по синтаксической функции.

Однако интрига заключается в том, что деепричастие не останавливается на этом «полу-глагольном» статусе. Под воздействием контекста оно способно к дальнейшей десемантизации — потере процессуального значения. Рассмотрим, к примеру, конструкцию, в которой говорящий выражает гипотетическое предположение о некой ситуации. Если в ядерной, «чистой» функции данная грамматическая конструкция (условно обозначим её как форма, оканчивающаяся на -я при глаголе говорения) требовала бы наличия прямого дополнения и указывала на реальный процесс вербализации (объект «А» говорит нечто о «Б»), то в периферийной зоне та же самая форма трансформируется. В высказывании, где субъект выражает неуверенность в своих шансах на успех, сопровождая это той же формой («честно говоря»), от глагольной семантики не остаётся и следа. Здесь уже нет ни акта говорения, ни адресата, ни объекта речи. Сохранилась лишь формальная «прикрышка» — остаточный суффикс, который работает как маркер «вводности», субъективной модальности. Подобные явления детально исследованы на материале транспозиции деепричастий в модальные слова и предлоги (например, формы со значением временной опоры или уступки, соответствующие значениям «через некоторое время после» или «невзирая на что-то»). На шкале переходности В.В. Бабайцевой такие единицы занимают промежуточную зону (обозначаемую как АБ): они уже не являются ядерными деепричастиями, но ещё не стали типичными

служебными словами, представляя собой истинные гибриды, совмещающие слабые синтаксические связи с выражением субъективной оценки.

Синтаксическая природа деепричастия раскрывается наиболее полно именно в условиях его обязательной кореферентности. Классическое правило, восходящее к античной риторике и закреплённое Ломоносовым, гласит: добавочное действие и основное действие должны исходить от одного и того же производителя. Нарушение этого правила порождает знаменитый комический эффект, классически описанный А.П. Чеховым в ситуации с потерянным головным убором, где производитель восприятия и производитель движения оказались разными сущностями. С точки зрения синтаксической теории, это означает, что деепричастный оборот (будь то одиночное слово или развёрнутая группа) требует наличия в клаузе внешнего аргумента (подлежащего), с которым он устанавливает референциальное тождество.

В этом контексте крайне интересным представляется обращение к генеративной грамматике и работам Леонарда Бабби, который рассматривал гибридные глагольные категории (и причастия, и деепричастия) сквозь призму иерархической структуры предложения. Бабби предложил трактовку, согласно которой деепричастие — это не просто «форма», а результат взаимодействия внутренней (глагольной) и внешней (адвербиальной или адъективной) проекций. Глагольная составляющая (VP) находится «внизу» и отвечает за семантику, валентности и вид. Она «инкапсулирована» в функциональную оболочку (определённый аффикс), которая «гасит» грамматические признаки, свойственные финитному глаголу (время, наклонение, согласование), и замещает их признаками неизменяемой категории (наречия). Проще говоря, русское деепричастие возникает тогда, когда глагольный корень поднимается и сливается с деривационным суффиксом, который удаляет спецификацию по внешнему субъекту (NP). Это приводит к тому, что деепричастие не может быть вершиной независимого предложения, оно обречено на роль адьюнкта (придаточной обстоятельственной клаузы) при главной глагольной вершине. Данная модель объясняет, почему в русском языке деепричастия (в отличие от английских герундиев или некоторых балтийских конвербов) столь чувствительны к агентивности подлежащего и редко выступают в безличных конструкциях без семантического субъекта.

Рассматривая природу деепричастия, нельзя обойти стороной вопрос о его таксисной функции. В терминологии Р.О. Якобсона, таксис — это категория, характеризующая временные отношения между двумя или

более действиями в рамках одного целого. Деепричастия совершенного вида (традиционно образующиеся с помощью суффиксов, указывающих на завершённость) кодируют предшествование: основное действие начинается только после того, как добавочное действие полностью исчерпано. И наоборот, деепричастия несовершенного вида кодируют одновременность: добавочное действие служит фоном, рамой для основного. Эта способность «упаковывать» два события в одну синтаксическую единицу без использования сочинительных союзов и сложных временных маркеров делает деепричастие незаменимым инструментом нарративного синтаксиса. Литературный текст получает возможность динамизировать повествование: вместо пары самостоятельных предложений («Субъект совершил действие А, а затем совершил действие Б») автор создаёт плотную структуру («Субъект совершил действие Б, совершив действие А»). Как ярко демонстрируют художественные тексты (например, поэтические имитации водопада, где глагольные формы создают иллюзию непрерывного потока), деепричастия способны передавать не только временные, но и модальные, причинные и уступительные оттенки.

Однако современная речевая практика обнаруживает тенденции, размывающие строгую норму о едином субъекте. В разговорной речи и публицистике фиксируются конструкции, где деепричастие относится к инфинитиву цели или к безличному обороту. Ярким примером служат высказывания вроде «Пользуясь данной инструкцией, машину легко разобрать» или «Взглянув на небо, стало грустно». С формально-грамматической точки зрения, такие конструкции порочны, так как создают «висячий таксис» (подлежащее не выполняет действие, названное деепричастием). Тем не менее, их высокая частотность свидетельствует о том, что для языкового чутья носителя важнее не столько тождество агенса, сколько смысловая связка «условие — следствие» или наличие общего модуса восприятия. Эти синкретичные употребления представляют собой «точки роста», где синтаксис пытается освободиться от диктата логики ради гибкости выражения, превращая деепричастие из чистого обстоятельства образа действия в универсальное средство логической связи между пропозициями.

Подводя итог этому лингвистическому расследованию, следует признать, что определение деепричастия исключительно как формы глагола или как части речи является редукцией. Деепричастие — это проявление категории конверба в русском языке, занимающее своё уникальное место на шкале переходности. Оно унаследовало от глагола глубинные структуры управления и аспектуальную характеристику, но

при синтаксической реализации отказалось от предикативной самостоятельности, сблизившись с наречием и служебными словами. Гибридность, таким образом, — это не недостаток или «болезнь» языка, а эволюционный механизм. Язык стремится к экономии средств: вместо того чтобы строить сложное предложение с союзом «когда» или «хотя», он использует одну неизменяемую форму, позволяющую свернуть пропозицию в атрибут другой пропозиции. Будущее изучение деепричастия лежит в плоскости когнитивной лингвистики и корпусных исследований, где необходимо изучать не то, какой «должна быть» эта форма, а как мозг говорящего опознаёт и интерпретирует эту сложную упаковку действия в условиях реальной коммуникации, где границы между морфологией и синтаксисом стираются перед лицом семантической необходимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева, В. В. (2000). Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа. (Работа, содержащая развернутую теорию шкалы переходности, позволяющей описывать гибридные явления на стыке частей речи).
2. Бабби, Л. Х. (1975). Синтаксис деепричастий в русском языке. Bloomington: Indiana University Linguistics Club. (Классическое структурное исследование, описывающее дистрибутивные свойства деепричастий в рамках генеративного подхода середины XX века).
3. Виноградов, В. В. (1947). Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз. (Фундаментальный труд, определивший современную трактовку частей речи и заложивший основы анализа деепричастия как гибридной глагольной формы).
4. Ломоносов, М. В. (1755). Российская грамматика. СПб. (Первое авторитетное описание норм употребления деепричастий в русском литературном языке, в частности, правила об общем субъекте действия).
5. Пешковский, А. М. (1938). Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз. (Исследование, в котором вопросы интонации и синтаксической функции анализируются в тесной связи с морфологической природой деепричастия).
6. Шигуров, В. В., & Шигурова, Т. А. (2015). Гибридные, деепричастно-модальные структуры в русском языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 12 (54), ч. 3, с. 188-191. (Современное исследование процессов модалации деепричастий и переходных зон между знаменательными и служебными частями речи).